

Глава 1

На кладбище было тихо.

Здесь, в принципе, всегда было тихо, но сегодня как-то особенно. И близость бури почти не ощущалась, разве что по небу поползли белесые полосы, предупреждая, что не стоит задерживаться. Мертвецам ничего не грозит, а вот живым стоит задуматься о будущем.

Ник протянул кукурузную лепешку.

Теплая еще. И пахнет по-особому. Такие печет лишь миссис Клопельски. Не знаю, что она добавляет в муку, но получается вкусно. Я вытянула ноги, без зазрения совести пристроив их на зеленый холм могилы, и сунула лепешку в рот.

В животе заурчало.

— Опять не обедала? — Ник укоризненно покачал головой.

— Опять, — согласилась я.

С Ником на редкость легко соглашаться. Он лишь вздохнул и протянул флягу. С чаем. Пожалуй, Ник единственный человек в нашем городишке, который носит во фляге чай. Он сам смешивает чайные листья с чабрецом, добавляет мяту, сушеные ягоды барбариса и еще что-то. Получается вкусно.

— Может, потом к Фло заедем? — он предложил это не из вежливости. Ник знал, что плевать я хотела на вежливость и приличия, но ему и вправду было не все равно.

Я покачала головой и на небо посмотрела:

— Буря скоро.

— Может, еще не будет. — Он выдернул тонкий стебель сухоцветника, что пробился сквозь плотное покрывало вечно-зеленой травы.

— Будет. И сильная.

Хмыкнул. Но поверил. Ник знал, что мне стоит верить больше, чем утреннему прогнозу погоды, в котором нам обещали ясные солнечные дни. Нет, солнце жарило, впрочем, как вчера и позавчера, но...

Буре быть.

Я чувствовала ее всей своей шкурой, как и то, что кому-то придется туго.

— Старики уже второй день по пещерам, — ему не было нужды объяснять, но и молчание стало невыносимым. — А сегодня и молодняк попрыгался.

— Драконы не ошибаются.

— Драконы не ошибаются, — согласилась я, дожевывая лепешку. Заодно уж вспомнилось, что дома пусто. Консервированная фасоль, так здорово выручавшая меня, и та закончилась, не говоря уже о другой, более приемлемой, с точки зрения Ника, еде.

Главное, чтоб в светлую голову его не втемяшилось спасать меня от голода. Денек-другой я продержусь. Вяленое мясо, в конце концов, никуда не делось.

И мука есть. Где-то с четверть мешка. Главное, просеять, а то стоит давно, мало ли что в ней завелось. Яйца наверняка протухли, а вот бочка, та полна.

За водой я следила. Только за ней, пожалуй, и еще за драконами.

Ник протянул вторую лепешку и сказал:

— Я захватил кое-чего. Возьмешь?

— Возьму.

От него — да.

— Замечательно, — он расплылся в улыбке. И я подумала, что Зои повезло... то есть раньше, до того, как... И лепешка изрядно утратила вкус.

— Как она?

Я не хотела думать о ней. И о Нике.

Я даже не пришла на их свадьбу, что было глупо, и Вихо, тогда еще живой, обозвал меня ревнивой дурой. Ложь. Отчасти. Дело ведь не в моей бестолковой влюбленности, которую я старательно скрывала, а Ник так же старательно делал вид, будто знает ни о чем не знает.

Просто я видела, что Зои он не нужен.

И видела, как Ник смотрит на нее. Мне было больно от этого несоответствия. И еще я знала, что дурной мой нрав не позволит промолчать. Как знала и то, что правда, мной озвученная, на самом деле никому не нужна. Так зачем?

Тот день я провела в пещерах. И следующий. И много-много дней после. С драконами оно как-то проще.

— По-прежнему, — по лицу Ника скользнула тень. — Иногда... ей становится лучше. В хорошие дни она даже пытается говорить, и тогда я думаю, что надо еще немного подождать. Просто подождать.

Я дотянулась до светлых его волос. Легкие, словно пух. И мягкие.

От Ника пахнет дезинфицирующим раствором, который он возит с собой, и еще воском, и больницей, хотя больницы у нас в городе нет, а вот поди ж ты...

— А потом хорошие дни заканчиваются, и она вновь перестает меня узнавать. Я нашел одно место рядом с Вашингтоном. Списался со своим учителем. У них рабочая группа как раз посвящена реабилитации после инсульта. Комплексная методика. Экспериментальная. И он согласился принять Зою.

— Это хорошо?

Странно, что сочувствия к Зою я не испытывала.

Нет, мне было жаль ее, но жалость эта была совершенно абстрактной, какой-то отделенной от прочих эмоций.

— Наверное. Не знаю. Придется ехать с ней. А значит, бросить здесь все...

— И мисс Кольман с ее мигренями?

— И ее, — Ник слабо улыбнулся. — И простатит мистера Руфуса, и многое иное. Я не знаю. Я понимаю, что здесь... меня, по сути, ничего не держит.

Обида сдавила сердце. И Ник ее услышал:

— Кроме тебя. Но ты ведь поймешь?

— Пойму.

И смирюсь, как смирилась с тем его нелепым романом. Как же, королева школы, прекрасная Зою Фильчер, которую любили, казалось бы, все в жалком нашем городишке. И видят боги, я не понимала почему. Светлые ли волосы тому причиной? Или огромные голубые глаза, вечно распахнутые, будто бы весь этот мир, все люди его несказанно удивляли Зою.

Хрустальный голосок. Смех словно звон ручья. Розовые ноготочки.

— ...Не лезь, куда не просят, полукровка, иначе пожалеешь...

Она умела притворяться милой девочкой, Зою Фильчер, и столь хорошо, что ей верили все. Даже я попыталась. Ради Ника.

— Я бы и тебя позвал, но ты же их не оставишь?

— Не оставлю.

Или оставлю? В какой-то момент мне мучительно захотелось, чтобы Ник и вправду позвал меня, чтобы сказал: мол, давай уедем из этой пыльной дыры? Возьмем Зои, раз уж без нее никак, и рванем в Вашингтон. А там, в большом городе, найдется место для всех. В том числе для жалкой полукровки, не умеющей ничего, кроме как говорить с драконами. Только откуда в столице драконам взяться?

Но я бы поехала. Я бы...

— Оставишь, — Ник погладил мою руку. — А потом усохнешь от тоски. Я тебя знаю, Уна.

Знает. Лучше, пожалуй, меня самой. И наверное, это знание связывает нас куда прочнее, чем узы крови.

— А ты как? — Ник провел пальцем по моей ладони.

— Как обычно.

Ветер, пробравшийся за ограду, коснулся травы, вспугнул кузнечика, который запрыгнул на камень. А потом спрыгнул, вновь растворившись в этом зеленом море. Ветер же, лизнув шершавый песчаник, запутался в тонких нитях ловца душ.

Зашелестели ракушки, повернулась паутина, задев камень. И показалось вдруг, что Вихо рядом, что...

Показалось.

— А твой...

Я покачала головой:

— Больше не появлялся.

— Это ведь хорошо?

— Да... наверное.

Рука заныла. И ребра. И ощущение постороннего присутствия стало почти невыносимым. А следом пришел страх. Вдруг... вдруг я ошибаюсь?

Билли убрался? Вот так взял, сложил свое шмотье, прихватил мои двести баксов, которые, как мне казалось, я спрятала надежно, и...

Ник обнял меня. А я позволила обнять. Вдохнула этот его родной больничный запах, закрыла глаза, отрешаясь от места и шелеста ракушек, притворявшегося голосом.

— Он не вернется, — Ник гладил меня по спине. — Он ушел и не вернется... никогда... Просто поверь.

— Верю.

Наверное.

Пока деньги не закончатся, а у Билли они текут, что вода сквозь пальцы. И когда он поймет, что вновь проигрался... или нет? Полгода прошло.

Полгода — это срок? Срок.

И стало быть, он и вправду ушел. Отыскал себе новый городишко, а в нем — новую дуру, которой мечталось о счастье. И теперь уже на ней вымещает раздражение.

Какое мне дело? Никакого.

— А давай ты к нам переедешь? — Ник отстранился, и я поспешно отодвинулась. — На время? Пара недель...

— Зачем?

— Просто так.

— Слухи опять пойдут. — Я тронула ловца пальцем, и тот нырнул сквозь плетение, застряв в нем. Тонкие веревочки натянулись, и показалось, что вся эта по сути своей нелепая конструкция вот-вот развалится.

Мать придет в ярость. И скажет, что я не уважаю покой брата, как и заветы предков. И будет права. Я не уважаю его покой. Я... я до сих пор не простила Вихо за то, что он так глупо умер. Умер и оставил меня.

— Пускай себе, — Нику было плевать на слухи, как, впрочем, и мне. Мы оба знали, что дело не в них. Что в любом ином случае я бы воспользовалась его предложением, что... Проклятье, мне хочется этого.

Хочется тронуть кружевную калитку. И ступить на дорожку из желтого песчаника. Вдохнуть тяжелый аромат розовых кустов, которые высаживал еще отец Ника. Заглянуть в мастерскую, пристроенную к дому, и убедиться, что ничего-то там не изменилось. Я бы прошла вдоль массивных шкафов, пересчитала бы инструмент, аккуратно разложенный на полках. При села бы у груды свежих опилок, зачерпнула бы горсть...

Я помнила этот запах — лака, масла и канифоли. Свежего дерева. Горячего металла.

А ту дверь, что вела из мастерской в дом, ее ведь не заколотили? Не должны были... внутри вот все иначе. Зои после свадьбы решила, что прежние интерьеры ее категорически не устраивают.

— Не поедешь?

Я покачала головой.

В тот, прежний, дом я была бы рада вернуться, там меня не считали чужачкой или надоедливой полукровкой, а мистер Эшби, великолепный в черном своем костюме, именовал меня «юная леди». И общался, будто и вправду считал меня леди.

А я старалась.

— Дому требовался ремонт, — Ник не оправдывался, констатировал факт. В который уж раз. Порой мне начинало казаться, что все наши разговоры на этом кладбище идут по одному и тому же сценарию. Но, проклятье, это и успокаивало.

— Требовался.

Я понимаю.

И то, что он действительно любил Зою. А она любила его дом и состояние, которое можно было тратить. В том числе на дом. Я бы смирилась, если бы речь шла просто о ремонте. Дома в нем и вправду нуждаются, но то, что она сделала...

Убрала библиотеку, в которой я проводила часы, листая тяжелые, пахнущие пылью тома. А мистер Эшби лишь посмеивался. И порой снисходил до объяснений, если книга оказывалась совсем уж непонятной.

Она изменила голубую гостиную, ту, с окнами в пол и пустыней за ними.

Выбросила старую мебель. И патефон, купленный еще миссис Эшби. Ее я не застала, но мистер Эшби патефон любил. У него имелась коллекция пластинок, и я помню, сколь бережно, трепетно даже обращался он с ними. Пластинки отправились на чердак, как и портреты, ведь кому в современном мире дело до предков? То ли дело современные фото.

Зои. Естественно, Зою.

Она хотела вовсе перестроить дом на современный лад, но то ли Ник не позволил, то ли она не успела... главное, что нынешний дом был мне чужим. Как и его хозяйка.

Пусть Зою почти не говорит, а когда говорит, то речь ее невнятна. Пусть она не способна ходить, да и ложку держит-то с трудом. Пусть в ней не осталось ничего от той королевы школьного бала, которую я помню, но... она по-прежнему меня ненавидит.

Теперь еще и за то, что я жива.

— Мне жаль, — сказал Ник.

А я поверила.

Ему и вправду жаль.

Я успела подняться на холм до того, как буря расправила крылья. Она налетела с востока, тяжелая, темная, гремящая песками.

Ударила наотмашь, и провода загудели, предупреждая, что наше захолустье вновь останется без связи. Сыпанула колючим песком, скорее забавляясь, чем и вправду желая причинить вред.

Я отогнала машину в гараж. Заперла двери.

Опустила щиты на окна, отметив, что на южном креплении совсем заржавели. Их стоило бы поменять еще при Дерри, но тому все было некогда. И мне.

Буря позволила. Разве что толкнула в спину, коснулась шершавой лапой волос, будто примеряясь, и отступила. Так бывает — несколько мгновений тишины, когда воздух одновременно горяч и сладок. И сладость эта расплывается по языку. Этот воздух хочется пить.

Я пью. Я напиваюсь допьяна. Я закрываю глаза, позволяя миру быть услышанным. Недаром ведь моя бабка была из Мудрых, хотя кто в просвещенном городе белых людей верит в мудрость айоха? Но теперь я слышала.

Песню гор. И стук огненного сердца, спрятанного под скалистой их подошвой. Бурление воды в родниках, что поднимаются, разливаясь горячими озерами.

Серные грязи. Близость моря. И отчаянную радость старика, готового к последнему своему полету.

Стало быть, Изумруд... скорее всего, Изумруд. Время пришло. Он давно уже почти не выбирался из пещер, почти все время проводя в серных ямах. Но и горячие грязи не приносили облегчения.

Изумруд был стар. И... буря примет его.

Легкого полета.

Я нырнула в дом за мгновение до того, как буря, очнувшись, ударила со всею своей силой. И хижина Дерринжера содрогнулась. Раздался скрип, сменившийся стоном. И новый удар.

Крыша держится. Я ее укрепляла в позапрошлом году. И подумывала даже сменить полностью, поставив новую — чтобы красная черепица и специальные ветроблокирующие щиты.

Но появился Билли. Любовь.

— ...Разве любовь не важнее какой-то там крыши? Что ты, детка, сама подумай, на кой тебе эта дыра? Тебя ждет весь мир. Нас ждет...

Мир молчал.

Он притих, готовый принять наказание. К вечеру шоссе, связывающее городок с большим миром, засыплет, а с ним и южные берега. Море поглотит песок и полтора десятка лодок. В новостях напишут об очередных разрушениях, с которыми городские власти борются.

Канализация засорится. А трубы где-нибудь всенепременно сорвет. Бури случались каждый год, всякий раз, как водится, неожиданно.

Я спустилась в гараж, чтобы вытащить из машины коробку с едой. Включила радио, послушала белый шум и выключила.

Запела.

Заткнулась, вспомнив, что пою я преотвратительно, да и вообще... делом бы заняться. Я и занялась. В коробе нашлось много чего. И банки с фасолью в томатном соусе, причем с красной, Ник знал, что белую я тоже ем, но красная мне нравится больше.

Кусок окорока. Вяленая колбаса кольцами, сдобренная чесноком столь щедро, что я заурчала. Хлеб.

И тушенка. Арахисовое масло. Кленовый сироп и даже блинчики к нему, сложенные аккуратной стопкой и обернутые в промасленную бумагу.

— Спасибо, — сказала я.

И послышалось, как за спиной кто-то ответил:

— Пожалуйста.

Я замерла.

И положила руку на нож, который был рядом. Это прикосновение успокоило. В доме нет никого... в доме никого не может быть. В доме...

Я обернулась.

Пустота. Темнота. Старик долго не желал признавать прогресса, обходясь керосиновыми лампами. А электричество я провела уже потом, после его смерти. И вспоминать не хочу, во что мне это обошлось.

Уровень керосина проверить все же стоит.

Лампа под потолком мигнула, подтверждая, что электричество у меня в доме ненадолго. И погасла. Я же стиснула рукоять ножа.

Понимаю, что глупо. В доме нет никого. Я ведь чувствую, что нет никого...

И Билли никогда не прятался. Если бы он вернулся...

Во рту пересохло.

Он бросил бы мотоцикл во дворе. Краги в коридоре. И куртку там же. Он принес бы запах пива и виски, который пропитал не только его, но и одежду. А следом появился бы сладковатый аромат травки. К ней Билли пристрастился давно. И если бы я поняла...

Я потеряла занывшие ребра.

Переломы давно срослись, как и все предыдущие. Нож отправился в сапог, а я обернулась. Дом пуст. Темен. Страшен, как я слышала. В нем больше не осталось мужских запахов. Даже в подвале, который Дерри выкопал, чтобы прятать там самогонный аппарат, больше не пахло брагой.

Никого здесь нет.

— Никого здесь нет, — повторила я вслух, но получилось не слишком убедительно. — Уна, возьми себя в руки...

Руки дрожали.

Я сильная женщина? Слышала и такое, от мисс Уильямс, которая до сих пор работает в школе, пытаясь воздействовать на умы и души местных туповатых детишек. Сильная... сильная не дрожала бы сейчас, закусив губу до крови.

И сумела бы поставить ублюдка на место.

Сильная не связалась бы с подобным Биллу. У него на лбу написано было, что он ублюдок и вообще... Сильная не позволила бы избивать себя.

День за днем. Час за...

Буря плакала. И я тоже. Я стояла, сжимая в руке хвост от чесночной колбасы, и терла, терла слезящиеся глаза, убеждая себя, что это песок виноват.

Местный песок вреден для глаз, и когда буря закончится, я поеду к Нику, пусть посмотрит.

Я вздохнула и, всхлипнув в последний раз, сунула колбасу в рот.

Никуда я не поеду.

И песок ни при чем. И вообще, мама права, я ничтожество, которое появилось на свет по ошибке. И хуже того, задержалось на этом свете.

Этого не исправить. Во всяком случае, у меня не хватит смелости.

Глава 2

Кофейный аппарат вновь сломался, окончательно убедив миссис Облонски в собственной незаменимости. И осознание этого факта заставляло ее сильнее вытягивать шею, и без того длинную, бледную, стиснутую лентой кружевного воротничка. Кружевными были и манжеты блузы, выглядывавшие из рукавов форменного пиджака, который напрочь лишал и без того плоскую фигуру миссис Облонски всякого намека на женственность.

Ее это возмущало.

Примерно так же, как возмущали лодочки на низком каблучке, бесцветный лак и необходимость мириться с кофейным аппаратом, в котором миссис Облонски мерещился конкурент.

Она скривилась.

Изобразила улыбку, совершенно неискреннюю. И мягким, совершенно несообразующимся с костлявой ее фигурой голосом произнесла:

— Вас уже ожидают.

Три слова, но в них слышался и мягкий упрек, и недоумение, и обида, будто своим опозданием Лука поставил ее в положение крайне неудобное.

— Благодарю, — он поставил на стол фарфоровую кошечку. — А это вам...

Кошечек миссис Облонски собирала. Поговаривали, что не только фарфоровых, но в это Лука не особо верил, ибо не походила миссис Облонски на человека, способного ужиться с живой кошкой. А вот фарфоровых она принимала охотно.

И Лука был удостоен милостивого кивка, а с ним предупреждения:

— Мистер Боумен нынче изволит пребывать в крайне расстроенных чувствах. Он дважды просил кофе без сахара. С его-то давлением...

Мистер Боумен стоял у окна.

Огромное, в человеческий рост, оно служило предметом зависти многих, равно как и способом продемонстрировать реальную власть этого тихого, сероватого человека.

— Лука? — мистер Боумен со своими пятью футами роста едва ли доставал до плеча Луки. И туфли на особом каблучке не слишком прибавляли ему росту. — Проходи, мальчик мой. Как съездил?

— Нормально. Отчет...

— Читал, — мистер Боумен махнул рукой. — Краткость, она, конечно, нужна, но не до такой степени... По личным впечатлениям что?

— Да ничего. Обыкновенное захоlustь с его захоlustными проблемами.

По правде говоря, к маленьким городкам Лука относился с некоторым предубеждением. Чудилось ему потаенное желание их и людей, в них обитавших, затянуть Луку в болотце своего бытия.

— И шериф, выходит, знал?

— Знал. Там все обо всех знают. Покрывал. Но доказательств нет. Так, ощущения, — Лука присел.

— Плохо, что нет. Тронем — пресса не поймет. Оставим... мерзкое дельце.

Мерзкое. Но не мерзее прочих.

Три пропавшие девушки. Точнее, их было больше, но заявили о трех. А дальше просто. Брошенный дневник. Письма, перевязанные ленточкой. Любовь на словах.

Счет за телефон.

Городишко, где никто не слышал об Элизе Грон, зато все пребывали в уверенности, что такой классный парень, как Айзек, не способен сотворить зло.

— Они с папашей этого отморозка приятельствовали. И когда появились... странности, решили, что ничего страшного, главное, чтоб приличных людей не трогал.

Айзек и не трогал, обходясь шляхами, пока шляхи не приелись. Что за удовольствие в охоте, когда жертва сама идет в руки?

То ли дело...

— Доказательства?

— На него хватит. Там целый сарай доказательств. Наши еще работают. Да и запирается он не стал. Напротив, счастлив, особенно когда эти щелкоперы пронюхали, — Лука скривился.

Журналистов он не любил, пожалуй, еще больше, чем маленькие городки.

— Он жаждет славы. И он ее получает.

Мистер Боумен склонил голову, то ли соглашаясь, то ли сочувствуя. Он поправил красный галстук, разительно отличающийся цветом от обычной серой его одежды.

Вздохнул. И сказал:

— Чучельник вернулся...

— Что? — Луке показалось, что он ослышался.